

К

КАБАНОВ Пётр Иванович [28.12.1888, с. Анаш Минусинского уезда Енисейской губ. – 11.11.1974, г. Москва] – в 1910-е сотрудник газет «Амурский листок», «Заря Востока», «Голос тайги» и др., позже учёный-историк, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Родился в семье сельского писаря из крестьян. Учёбу начал в родном селе, а продолжил в Красноярской учительской семинарии (1904–1907). Участь в семинарии, начал писать стихи, публиковал их в рукописном журнале. После окончания семинарии был сельским учителем в с. Усть-Сыда Абаканской вол. Енисейской губ., затем в с. Абаканское.

В 1909–1911 – учитель Пушкинского двухклассного училища в г. Зей-Пристань. В 1911 К. становится студентом ист.-филолог. цикла Московского городского народного ун-та им. Шаняялога, одновременно оканчивает одногодичные пед. курсы им. Королевых.

В 1913 живёт в Благовещенске, работает учителем двухклассного училища им. барона А.Н. Корфа. В эти годы сотрудничает с благовещ. газетами «Амурский листок» и «Заря Востока», публикуется в них под псевд. *П.К.*, *П. Зейский*. В «Амурском листке» чаще печатались стихи: «К цели» (1910. №681. 5 сент.), «В сумраке» (1910. №721. 27 окт.), «В зимнюю ночь» (1910. №736. 13 нояб.), «Засни» (1910. №739. 17 нояб.), «В городе» и «В тайге» (1911. №1053. 25 дек.), «Цветы» (1912. №1190. 20 июня), «Роковое. На смерть отца» (1912. №1192 22 июня) и др. О характере его поэзии даёт ясное представление стихотворение «К цели»: «Дрожит стальное полотно / Реки гудящей; / Лицо луны горит красно / Во мгле висящей; / В реке лежит большим столбом / Её сиянье; / А с чёрных берегов кругом / Ползёт молчанье... / Туда, на них, в ночной туман / Спешу я смело – / Там ждёт меня, как океан, / Большое дело...» И т.д. и т.п. Т.е. это поэзия описательная, безыскусная. Чаще всего стихи К. представляют собой пейзажные зарисовки либо общие рассуждения на избитые темы. Ни в тематическом, ни в художественном плане самостоятельного интереса они не представляют.

С 1914 К. – преподаватель частной женской прогимназии в г. Зей-Пристань (в этом городе проживали его братья и сестра). Печатается в издающейся в Зее газете «Голос тайги». В апр. 1917 от учителей Зейи он участвует в работе краевого учительского съезда в Хабаровске, избирается в учительский совет по управлению учебными заведениями Приамурья, но вскоре выходит из него. Вернувшись в Зею, возглавляет только что открывшуюся четырёхклассную смешанную гимназию (в 1918–1919).

В 1921–1925 он в Благовещенске, работает в органах наробразы. Потом переезжает во Владивосток, работает в ж.-д. школе второй ступени, руководит методическим объединением школ Уссурийской ж.д., становится членом Приамурского научно-педагогич. общества. В 1930 переезжает в Москву, работает в Наркомпросе инспектором вузов и техникумов, преподаёт в вузах Москвы. В 1942 защищает канд. диссерт. «Дальневосточная республика (1920–1922 годы)», а в 1948 – докт. диссерт. «Амурский вопрос и его разрешение», на основе которой публикует монографию «Амурский вопрос» (Благовещенск, 1959).

А.В. Урманов

К. родился в семье учителей русского языка и литературы. После оконч. СШ № 4 г. Белогорска (1968) служил в армии. Вернувшись «на гражданку», сменил множество профессий: «зарабатывал на жизнь грузчиком и автослесарем, коммивояжёром и пастухом, охранником и инженером, водителем автогрузчика и журналистом, косил сено и доил коров, тренировал пловцов и футболистов...» («Автобиография»). Помимо всего этого, К. заочно учился в БГПИ на двух факультетах – физ. воспитания и спорта и истфиле. Затем работал учителем, преподавал физкультуру, военное дело, труды, физику, астрономию, историю...

Стихи он начал писать в школьные годы. «Немного позже, неделями, месяцами, а то и годами писал по 20 часов в сутки, стремясь к профессионализму. Выходило по три стихотворения в неделю. 99% их со временем уничтожалось. В последующем процент несколько снизился...» («Автобиография»). Произведения К. публиковались в городской и обл. периодике: в газетах «Амурский комсомолец» и «Амурская правда», в альм. «Приамурье», в коллективных сборниках. Были у него публикации и в журнале «Дальний Восток», в общесоюзном сатирич. журнале «Крокодил», в столичном сборнике.

На раннем этапе становления К.-лирика он испытал огромное, во многом определяющее воздействие С. Есенина. И дело не только в том, что есенинские мотивы, метафоры, интонации стали проступать в большинстве его стихотворений, прежде всего, в пейзажных зарисовках. И не в том, что это влияние в каких-то случаях оборачивалось банальным подражанием или даже откровенными заимствованиями: «Ветер мчится на поля, / Колны жёлтые взметая, / И учи-во тополя / Шапки, кланяясь, снимают». Речь идёт о влиянии мировоззренческом: этико-философском, а не только формальном. На какое-то время К. перенял, усвоил, принял как священный дар есенинскую систему ценностей, есенинский взгляд на мир, и это оказало благодатное воздействие на строй его чувств и мыслей и, как результат, на весь строй его лирики. Так что, наверное, он не столько подражал стихам Есенина, сколько смотрел на мир его глазами. Именно этим можно объяснить появление таких, например, проникновенных стихов К.: «Скоро утро. Звёзды в небе тонут. / Снова не сомкнуть сегодня глаз. / По тропинке, с давних пор знакомой, / Я иду, как будто в первый раз. // А река легко и вольно дышит, / Ночь, хмелея, пролила зарю. / Те слова, что сердце моё слышит, / Я сегодня милой повторю. // Я приду, скажу: "Моя хорошая, / Ночь, как песня, манит и влечёт: / Молоком парным в лугах некошенных / Лунный свет клубится и течёт. // Ясный день молчит о всём заветном. / Вечер синий дарит нам печаль. / Это ночь своим волшебным светом / С робких губ моих сняла печаль. // Стану сердцу я теперь послушен, / Чувствам верить нежным и простым". / Счастлив тот, кому согреть душу / Луч последней утренней звезды». Чьё утончённое, поэтичное мировосприятие выражает лирический герой стихотворения – собственно авторское, данное ему от природы, или то, которое он перенял, впитал из живительного источника русской культуры? Похоже, что мировоззренческая парадигма раннего К. в большей степени определяется именно культурным влиянием, прежде всего влиянием есенинской поэзии. Как это ни парадоксально, лучшие стихи К. создал именно в тот период, когда испытывал глубокую внутреннюю связь с Есениным. Эта мировоззренческая близость не мешала проявлению его собств. поэтической индивидуальности. Скорее наоборот – она стимулировала творческий поиск, помогла увидеть и показать то, что воспринималось как нечто новое, свежее: «Весна весь день трудилась жарко / И в тенях вечера уснула, / Проталин кляксы и помарки / Ледком прозрачным промокнула. // Зима же ночью тихо встала / И, затеплив луны огарок, / Всё набело переписала / Красиво, ровно, без помарок» («Март»).

КАДОМЦЕВ Сергей Иванович [21.4.1951, г. Белогорск Амурской обл.] – поэт, член Союза писателей России (с 2010), по профессии и осн. роду деятельности учитель.

Однако в «лихие девяностые» в сознании поэта произошёл какой-то надлом, со временем только увеличившийся. Прежние ценностные и эстетич. ориентиры оказались существенно деформированы. И это не могло не сказаться на его творчестве.

В 2006 в Хабаровске вышла первая книжка К. — «Третья половина», которую редактировал известный дальневост. поэт Николай Кабушкин. В предисловии к сборнику он писал: «Поэзия Сергея Кадомцева — это живые слепки с живой жизни. <...> Сергей Кадомцев — счастливый человек: он живёт — как пишет, а пишет, как живёт. Это очень редкий, но ценнейший дар».

«Танцы на морозе» (2008) — второй сборник К., на этот раз вышедший в родных пенатах и получивший отзывы в амурской периодике. В рецензии И. Назаровой автору было высказано немало претензий: «стилистическая безвкусица»; «нечувствительность к слову, лексическая и смысловая эклектика», «широкое использование ненормативной лексики и фразеологии»: «заорись» («Глухомань»), «поглянь», «внутрих» («Венец творенья»), «шкандыбать», «хреновая», «взашей» («Коряво о судьбе») и др. Автор рецензии обращает внимание на «банальные» рифмы (*собак — кабак, нет — поэт, берёзы — слёзы, дураков — таков*), орфографические и иные ошибки («кни чего не осталось», «что бы лукох был на передовице», «глуло в двое»), опечатки. По мнению И. Назаровой, «лишь изредка автору удаётся создать запоминающиеся образы»: «День лениво прячет краски / И бездельничать манит» («Август»); картинки с природы: «Всё тает, течёт, разливается, капает... / С крыльца кот, понохавши землю сырую, / Брезгливо опёрся одною лишь лапою, / И ищет — куда бы поставить вторую» («Весенняя картинка»).

Однако дело не только в отмеченных формальных издержках — содержательное наполнение книжки К. вызывает ещё больше вопросов. В первую очередь, это касается той философии, которую теперь исповедует (при полном понимании и сочувствии автора) лирический герой. Его жизненные ценности, мягко выражаясь, не отличаются утончённостью, очень часто замыкаясь сферой элементарных физиологич. потребностей: «Так куда же и чего там / Я скачу опор во весь, / И чего же мне охота, / Нужно мне что ни на есть?.. // Было б всё в порядке в смыслах / В самом деле. Не на вид, / То, что надо, то повисло, / А что надо, то стоит. // Немудрёны скинуть шмотки, / Чиста поля посередь, / Трахнуть ба., да скажем водки, / И красиво помереть» («2005-й»). Примеры, в которых лирический герой позднего К. выражает подобное отношение к миру, можно найти почти на каждой странице сборника: «Среди травки бросишь тело, / И лежишь ты — существо, / Коль на пуп твоей муха села, / Значит тут — Вселенной пуп!» («Август»); «Мне осталось жить больше ли, меньше ли... / Но стыдоба из всех стыдоб: / Я ухаживаю за женщинами, / До сих пор, что бы с ними — что б...» («Всё, увы, как прежде»); «Скажешь соседу: жена его шлюха, / Дурню, по дружбе, откроешь глаза, / В лучшем раскладе — получишь по уху, / Должен, ведь вроде спасибо сказать!..» («Всё путём») и т.д. Обращает на себя внимание весьма специфич. отношение лирического героя «Танцев на морозе» к женщине — зачастую предельно циничное, грубое, ламское, абсолютно не похожее на то, которое было присуще лирическому герою ранней лирики. Наиболее выразительный пример — стихотворение «Фермер в ресторане»: «Сравнения здесь, поймите, неуместны. / Мадам, не трите вы, пожалуйста, висок, / Я вас назвать короной, если честно, / Увы, пардон, конечно же, не смог. // Корова же умней хоть тех дельфинов, / Вам не начислит никогда вины; / Вот вас, представьте, промеш рога графином, / А ей, представьте, будет хоть бы хны. // Маши вам хоть копытом, хоть рукою — / Вас тянет не в поля, а в Интернет. / Корова за прокорм даст молоко нам, / А с вас-то и за деньги толку нет! // Вы не мычите, а не телитесь подавно, / А вот бы вам да каждый год рожать! / Она к тому же да и доит-са исправно, / А кто за это смог её поцеловать?.. // Да ежи б копыты напедикюра, / Моя Февралька бы — да на ногу нога, / Да я тотчас бы этой наглй дуре / На месте пообламывал рога. // Когда ж захочется вам, напуская чары, / Кокетливо прищурить томный глаз, / А вас, представьте, вдоль хребта бичарой! / Представили? И так вот каждый раз... // Когда ж сводиться будет дебит-кредит, / В чью пользу будет сальдо, хоть на треть?

/ И кто из вас корова, а кто леди — / Вот это уж мы будем посмотреть!»

Очевидно, что на каком-то этапе творческой эволюции у К. произошло размывание границ между лирическим и юмористическим дискурсами, в результате он перестал дистанцироваться от персонажей, прежде служивших объектом иронического изображения и иронической же насмешки. Со временем лирический герой К. практически полностью слился с ними, точнее — уподобился им, растворился в них, не перестав при этом быть alter ego автора. Маска «отвязного» и озорного циника и сквернословия, весело, с бравадой плюющего на «приличия», намертво приросла к автору, став не поэтической формой, не эпатажной позой, а сущностью — его собств. поэтической «я».

Свою роль сыграло и то, что товарищи по Белогорскому литобъединению и особенно его поэтический наставник не только не предостерегли К., но и, напротив, поощряли прощущуюся в нём дерзкую «самобытность», восхищаясь «оригинальностью» его новых стихов, тем самым способствуя этической и эстетической дезориентации автора «Танцев на морозе». Член Союз писателей России, поэт и меценат из Белогорска С. Сонин пишет в предисловии к этому сборнику: «В свет вышла не просто книга, какую можно напечатать любому пишущему человеку, а вышла в свет книга, напечатанная талантливым, умным, пронизательным человеком (здесь, правда, не так просто разобраться — кого автор предисловия называет «талантливым, умным, пронизательным человеком», ибо С. Кадомцев книгу лишь написал, а напечатал её сам С. Сонин в собств. изд-ве «Белогорский Союз писателей». — А. У.). Стихи Сергея Кадомцева и лиричны, и деспотичны к нашей современности; одновременно грубовато и тонко показывая нашу действительность, философия по поводу её изменения или упразднения вообще. И всё это делается красиво и логично, и в мозгах читателей создаётся объёмный образ взаимодействия явлений и вещей окружающего мира. И, как ни странно, становится понятен смысл бытия».

В этом косноязычно-восторженном предисловии-прославлении почти каждая фраза — перл, а грамматические конструкции способны поставить в тупик самого неформального лингвиста. Но проблема не только в грамматике, ибо «в мозгах читателей» после знакомства с предисловием возникает примерно то же самое, что и после чтения «Танцев на морозе» — по меньшей мере, изумление. Ведь выходит, что автор предисловия разделяет отношение к женщине, разделяет жизненные ценности опекаемого им автора. Допустим, стихи К., действительно, помогли С. Сониному понять «смысл бытия», но при этом он мог хотя бы указать своему менее маститому коллеге на грубые ошибки, которые встречаются в книге. Например, на эту: «Без зуботык пианино не цело б... / Без топора сад вишнёвый не сад... / Моцарт, ну что без Сальери бы делал... / Кем Дездемона была б без Отелло... / Что Катерина нам без колеса...» («Вопрось»). Ведь даже если не обращать внимания на какую-то болезненно-изломанную, вывернутую логику автора стихотворения, автор предисловия (и одновр. издатель) мог бы, по крайней мере, сказать ему, что иногда полезно перечитывать классику, что роковое паровозное колесо имеет отношение к толстовской Анне Карениной, а не к Катерине из пьесы Островского. Или мог бы дружески намекнуть, что некоторые строчки, например: «Льётся дивных пронзений свет» («В «Звёздном дожде»»); «Коль родился я стилистом, / То целуюсь, как стилист!» («Поэт на курорте»), механически заимствованные у Есенина, но теперь, в отличие от ранней лирики, попадающие в совершенно чуждый поэтический контекст, выглядят по меньшей мере пародийно. А ещё лучше — откровенно сказать, что хотя он, К., «стилист»,

конечно, непревзойдённый, но стихи эти лучше никому не показывать – от греха подальше. Однако автор предисловия роль наставника, наверное, понимает иначе, ибо поощрил то, что является откровенной халтурой и непристойностью.

В наст. время К. живёт в с. Светиловка Белогорского р-на.

Соч.: Секрет заварки чая. Логика прекрасного: Стихи // Литературное Приамурье. Хабаровск. 1989. С. 225; Камень: Стихи // Дальний Восток. 1990. № 1. С. 49; Третья половина: Стихи / Под ред. Н. Кабушкина. Хабаровск: Ковчег, 2006; Танцы на морозе: Стихи. Белогорск: Изд-во ООО «Белогорский Союз писателей», 2008. 120 с.

Лит.: Назарова И.С. Книжная лавка: Обзор книжных новинок (2008–2009) [В том числе рец. на книгу С. Кадомцева «Танцы на морозе»] // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 80–81; [Урманов А.В.] Открытый ответ на «Открытое письмо читателей альманаха “Амур – 2009” к его редакции» (Часть 2. Полемическая) // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 9. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 108–112; Белоус Г. «Светлая радость» и «глухая боль» в поэзии Сергея Кадомцева // Лосевские чтения – 2011: Мат. регион. науч.-практ. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 169–179; Сергеева Т. Кадомцев С.И. // Сергеева Т. Очерки о жизни и творчестве литераторов Белогорского Дома писателей. Белогорск: Изд-во «Белогорский Союз писателей», 2013. С. 55–59.

А.В. Урманов